

С Т И Х И С И С Т О Р И Я М И

**ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ. «БРОКГАУЗ, РАСКРЫТЫЙ НА «ЛОЖЬ»**

Он стекал,  
                  огибая  
                                  меня,  
Под уклон,  
                  а Подол,  
                                  до реки,  
И с ухваткой завязтых менял  
Предлагал угадать кулаки.  
Впрочем, я здесь и так узнавал  
Фундуклеевской пышный фасад  
Наши окна, что смотрят на Вал,  
Вздых балкона, подъезда портал...  
Я здесь жил. Лет сто двадцать назад.  
Или меньше. Ну, может быть, — сто,  
Девяносто, а словно вчера  
Ты взлетала, я крикнул: «Постой!»  
Мы летали всю ночь, до утра.  
Дождь, как этот, начался к утру,  
Только нас не касалась дрожь дня,  
Мы Подолом  
                                  спускались  
  к Днепру,  
Повторяя  
                  дорогу  
                                  дождя.  
Был Брокгауз, раскрытый на «Ложь»,  
Век минует быстрее, чем день.  
Так и вышло — вот Киев, вот дождь  
И на склонах дичает сирень.

1989

Это был мой первый приезд в Киев. Апрель был на исходе, сирень кипела и выкипала, шли дожди. Из Запорожья прилетел мой друг Юрий Григорьевич Липиченко, чтобы щедро поделиться со мной Городом, как назван он в самом киевском романе, всеми исчезающими Воздвиженками и «господскими» Липками. Да так поделился, что я ощутил Киев своим, словно жил в нем прежде. Стихотворение следовало по всем статьям посвятить Юрию Григорьевичу, но присутствующая романтическая нота подразумевала адресатом женщину.

Никакой женщины в тот приезд не было, на удивление вокруг были только мужчины, может быть, поэтому в тексте возникла женщина. А вот словарь Брокгауза и Ефрона тогда присутствовал полный и на диво сохранный.

Складываться стихотворение начало в Киеве, а закончилось через несколько недель, в Ташкенте. В пределах досягаемости уже не было Брокгауза-Ефрона, чтобы проверить наличие там статьи «Ложь». Да, честно сказать, не очень-то и хотелось.

Много позже мне рассказали, что статья такая есть и не только есть, но и знаменита.

В философских кругах, если позволено будет такое выражение, стало притчей во языцех: это был последний раз, когда на русском языке рассматривалась ложь как философская категория. С тех пор на долгие десятилетия энциклопедии и словари, и знаменитый «Краткий философский словарь», выдержавший несколько изданий и украшенный усатой физиономией главного философа всех времен, обходили ложь десятой дорогой.

«Ложь — в отличие от заблуждения и ошибки — обозначает сознательное, а потому нравственно предосудительное противоречие истине...» — пишет автор статьи, Вл. Соловьев на 911 странице 34 (17-А) тома.

## **ИСТОРИЯ ВТОРАЯ. «СЛУЧАЙНЫЙ ПРОХОЖИЙ»**

*«Сережа!*

*Сережа!*

*Сергей Александрович!*

*Юра!..»*

*Морозом по коже,  
под пальцами — клавиатурой  
бежала, крича,  
от Арбата,  
от стеба,  
от арта,  
в родное вчера  
из чужого холодного завтра.  
Так кличут: «Врача!»,  
Хотя уже все опоздали.  
Бежала, крича.  
На Арбате «Самару» лабали.  
И случайный прохожий  
Навсегда уносил в переулок  
«Сережа!»  
Сережа!  
Сергей Александрович!  
Юра!..»  
Махнула рукой  
И спокойно к подъезду вернулась.  
«А, кто он такой...»  
Напоследок она обернулась.*

1988

1.

Осенью 1988-го я проездом оказался в Москве, и туда повидаться приехал с Украины мой друг. В те годы мы ощущали Москву своей столицей. И пользовались любым поводом побывать там. С годами и ощущение прошло, и стремление исчезло.

Шляться по ласковому бабьему лету было куда как хорошо. Косые солнечные лучи, отрефлектированные осенней листвой, не раз заставляли вспомнить Сергея Соловьева, с фирменным желтым свечением его кино.

Поэтому, когда, догуляв до Спасопесковского сквера, увидели, что там идут съемки, то пошутили: это наверно Соловьев, кто же еще. И не особенно удивились, когда и вправду увидели Соловьева.

Описывать место действия я не стану, кто захочет его представить, может посмотреть «Черную розу — эмблему печали, алую розу — эмблему любви». Там хорошо видна крыша одноэтажного дома в переулке Воеводина, которую перебежала, вылезая из окна соседнего дома, Друбич в вуали, колготках и адмиральском мундире, чтобы подниматься по пожарной лестнице глухой московской торцовой стены, украшенной неоновой рекламой аэрофлота. И резиденция американского посла, знаменитый Спасо-Хауз, тут же, по правую руку, отделенная пяточком маленькой площади.

Мы, как заправские зеваки, глазели на суету съемочной площадки. Огромный ясень, росший во дворе и возвышавшийся над крышей, со двора поливали из брандспойтов. К стене жался мальчик, укрываясь от воды. Соловьев, с короткой сигарой в коротких пальцах, невозмутимо взирал на происходящее, выкрикивая поочередно две фразы. Сначала:

— Пропитывайте листву!

Потом:

— Согрейте Мишу!

И так — много раз. Из подъезда вынесли треногу, штатив камеры и стали устанавливать, замеряя высоту и тщательно выверяя уровень. Когда установка была завершена, все винты прикручены, Соловьев сделал полшага в ее направлении, не глядя, водрузил на треногу локоть руки с сигарой и продолжил:

— Пропитывайте листву! Согрейте Мишу!

Возле деловито крутились разные люди. Илья Иванов, бритоголовый, с длинной кадыкастой шеей, игравший дядю Коку, все пел песню «Ах, город Самара, тринадцатый год». Нужно сказать, что песня та была мне знакома, но сейчас все гуглы отказывают в ее поиске.

Многочисленные помощники уже рассказали нам и сюжет фильма, и многие детали съемок, и про музыку Гребенщикова. Вдруг от американской резиденции отделился человек и пошел в нашем направлении. Шел он медленно и тщательно, как идут парламентарии в фильмах про войну, только белого лоскута в руках ему не доставало. Поддержав ритуал, навстречу ему заковылял Соловьев, прекратив пропитывать листву. Они сошлись как раз на середине маленькой площади. Склонив головы друг к другу, пошептались и так же медленно и значительно вернулись в свои станы.

— Они просят сделать перерыв, — сказал Соловьев. — У них там будет играть Кливлендский квартет. Б...ь.

Был объявлен перерыв. Соловьев вместе со слезшим с крана оператором зашагали в сторону Арбата.

И тут из подъезда выбежала прекрасная Друбич и бросилась им вослед. Она звала:

— Сережа! Сережа! Сергей Александрович!

Соловьев уже ушел далеко и не слышал, увлеченный беседой, тогда она в смятении решила позвать его спутника, и крикнула:

— Юра!

Но никто не обернулся. Она пробежала еще немного, потом махнула рукой и разочарованно вернулась восвояси.

Мы переглянулись. Все вокруг были заняты собой. Никто кроме нас не видел этого абсолютно законченного, лаконичного и многозначительного спектакля в исполнении замечательной актрисы и очень красивой женщины. Только перед нами были раскинуты сейчас все эти шелка — надежда, смятение, разочарование.

Мы зашагали прочь.

Когда часа через два, ноги сами принесли нас снова в Спасо-Сковский, в густеющих сумерках снимался известный всем подъем по пожарной лестнице в колготках и адмиральском мундире. Это было забавно и интересно, но с великолепием виденного нами пробега сравнить было нельзя.

Посвятить текст Татьяне Друбич я не решился. Мы не знакомы, и мне показалось, что я не в праве обременять ее своими посвящениями.

## 2.

Клавиатура в ту пору однозначно подразумевала музыкальный инструмент.

Сегодня почти так же однозначно — не подразумевает.

